Шевченківський Збірник.

Шевченковский Сборник.

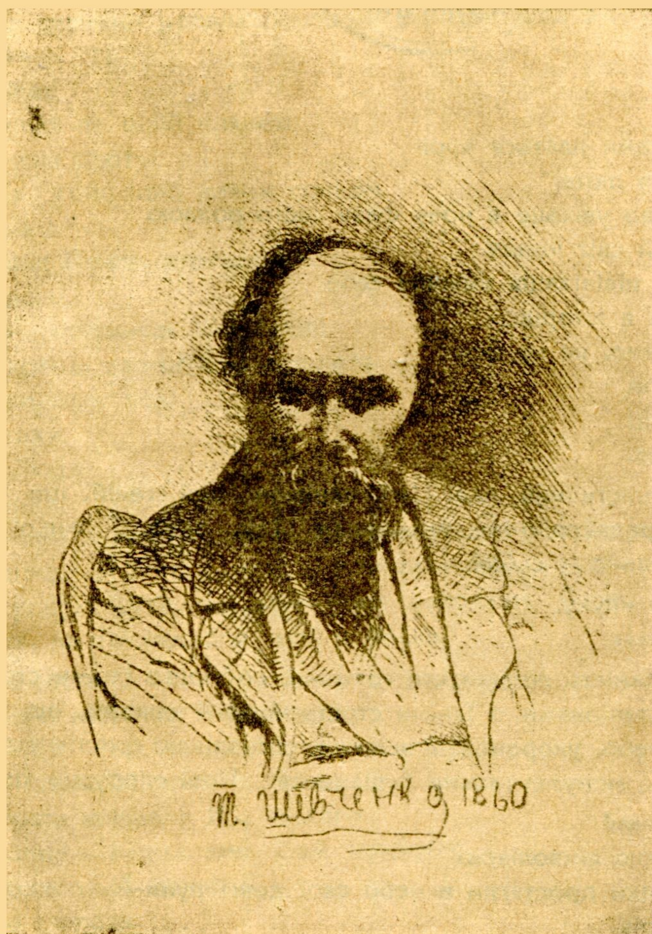
У. С. С. Р.

Всеукраїнський Літературний Комітет.

Комісія по влаштуванню Шевченківського Свята.

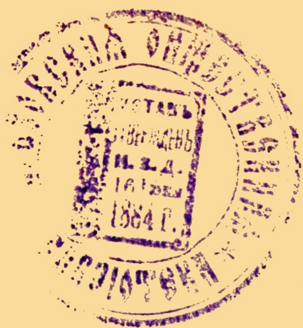
1919

ХАРЬКІВ.
Друкарня „Ренесанс“, Клочковська. 31.
1919.

Тарас Григорьевич Шевченко.

род. 10 марта 1814, умер 11 марта 1861.

Сторіками ллється кров
„Время люте!“
Людство увіходе в нову фазу свого розвою
Старий світ конає.
Стара цівілізація вижила себе
Пішла в історію.
Так само, як колись·
Вавілон.
Мемфіс.
Ніневія.

Капіталістичний лад! Цей чарівник, цей геній, що прийшов на заміну середньовічним алхимикам. Що, замість їхньої схоластики містики, приніс із собою—

Точну науку.
Машини.

Що, замість величности готичних соборів з їхніми стрункими, пругастими склепіннями, з їхніми стрільчастими вежами, що високо здіймалися в небо, укороновані великою сімволікою христіянства-хрестом,— нове приніс монументальне будівництво. Нові спорудив храми.

Фабрики!
З новою сімволікою.
Фабрики простягли в небо свої довгі руки—
Димарів.

Що коптили небо і ніби показували йому -
Кулаки.
Зціплені з страшною ненавистю і помстою
З гнівом великим.

Гнівом за знівечене життя людей, прикутих до машин. Жінок і дівчат, одірваних од тихого родинкого кубелечка.

Дітей, вирваних од батьків за ради—
— Скибки хліба.

Капіталізм!

Це—ціла філософія. Ціла релігія. Цілком у собі замкнена сістема думок, ідей, образів.

Згуків.

Ліній.

Фарб.

Він має свою поезію

Науку.

Мистецтво.

Він був великим революціонером! Він прийшов з грюкотом і поставив життя—

На рейки!

Проснував по цілій планеті

Павутиння дроту.

Освітив сутінь ночі новим сонцем

Електріки.

Дав нове Пекло, страшніше.

Дантового.

Пекло—робітничих кварталів!

Його храми, храми Ваала-золота—

Підтримували нові

Каріатиди.

Живі Люде!

Робітники.

І ось—цей велетень конає. Він викликав із надрів землі страшні сили, що знищили його самого в прикорні. Він у собі розвинув такі внутрішні суперечности, що вони його доконали. Серед полів, серед нив золотих, на тлі синього неба поросли

Великі міста.

Робітничі містечка й слободки.

Копальні.

Місто пішло війною на село.

Але міста воювали й з містами.

Капітали—з капіталами. І це призвело

До всесвітньої пожежі!

І *чудо* сталося.

Село й місто обєдналися!

Старий ворог буржуазії—аграрії, землевласники

Обєдналися з капіталистами.

В одну коаліцію!

Проти кого?

Проти другої коалиції—

Обєднаного робітництва села й міста.

Велетеньска боротьба!

Двох коаліцій!

Капіталісти—землевласники.

Робітництво—злиденне селянство.

Що сталося? Фабрики, машини принесли визволення праці й думки людської. Фабричні димарі зробилися сімволами Нового Життя.

Нових надій!

Вони простягли до неба свої руки вже не з благаннєм. Не з прокльоном. Ні! з великою вірою! В те що людство переборе всі лиха і упокорить собі

— Цілий Світ!

Машини утворили нове людство! Сильне, дуже. Непохитне. Незламне. Тверде.

— Як криця.

З голосом дзвінким і могутнім—

— Як удари молота.

По ковадлу життя!

Прийшов новий тип людини. Розгорнув нову сторінку людської історії.

Пролетаріят.

Що це таке? Ми і наші батьки? Перше—кляс людей, що гнув спину і робив. Робив і кляв своє життя. Потім почали повставати проти гніту. То були часи великого руху чартистів. Стихийного, масового руху. А далі почали свідомо домагатися кращої долі. Людського життя. Пригноблена кляса почала велику війну за своє визволення. В союзі з таким же пригнобленим, бідним, злиденним селянством.

В коаліції з селом!

Війна іде..

Війна буде—планетарна.

По цілій планеті Землі.

Що буде завтра?

Завтра ця Велика Коаліція

Робітничо-Селянська

Скінчить свою боротьбу.

Капіталізм буде поховано.

І тоді...

З кляс пригноблених, Коаліція буде

Творчою Спілкою.

Заходиться творити нове життя.

На новій землі!

На тлі ясного синього неба, золота нив і величі фабрик, яких димарі струнко здійматимуться до неба, показуючі людині, що вона прийшла з матері землі, але станула

На задні лапи.

І побачила небо й одкрила нові світи. Побачила, що небо прекрасне.

Що Земля може бути Раєм.

І буде!

Раєм зробить землю людська

Праця

Й Думка.

Ми живемо на межі двох епох.

В такі часи приходять великі поети.

Коли християнство увіходило на арену історії, воно дало світові свого генія. свого співця—

Великого Поета.

Данта.

Він стояв на межі двох епох. Він ніс із собою Нове Життя для того часу.

І так само тепер. На межі двох історичних епох прийшов

Великий Поет.

Пророк Нового Життя. Він вийшов з самої матері землі, з прикорня народнього життя.

З низин!

Він приніс із собою світлий розум, велику силу слова і невичерпане джерело свіжого, безпосереднього почуття. Він прийшов передчасно і вмер незрозумілий друзями. Він приніс у грудях

Велику Любов

Велику Ненависть.

Ненависть—царям, всесвітнім шинкарям. Царям, яко символам—носителям і охоронцям Старого Життя, царям, що ними був укоронований увесь цей старий панський лад, котрий знищити можна було тільки знищивши їх. З їх і треба було починати.

Любов велику приніс поет—

Роботящим рукам.

Роботящим умам.

Цей поет голосно сказав, що для визволення людства потрібна

Нова наука.

Що землю треба

Оновити.

Він показав, що Пекло є на землі страшніще ніж у

Старого Данта.

Що на землі повинен бути.

Рай.

Він оспівав велику постать, відродив великий символ світової поезії

Скутого Прометея.

На верхівлі кавказьких гір. І кинув у маси велике гасло тітанічної боротьби нових творчих сил зі старими пережитками.

Цей великий поет родивсь у нас на Україні. Ми всі його знаємо і не забудемо, як не забудуть і наші щасливі нащадки. Він був селянин з походження, але пройшов велику школу життя міського підмайстра—пролетаря. Він обєднав у собі в єдину суцільність нову робітничо-селянську революційну вдачу.

Він—наш.

І нині, в час весняної зливи нового життя ми складаємо йому пошану цією збіркою на світлий спомин його світлої памяти. В спокійніщі часи ми її виллємо в бронзі, поставило на граниті по майданах і перехрестях вулиць нашої вільної України.

Слава Шевченкові!

Пророкові нового життя нехай лунає

Слава!!

Тарас Григорьевич Шевченко.

Жил, оскорбляемый каждым невеждою...

Некрасов.

Тарас Григорьевич Шевченко, великий украинский поэт.

Мы все о нем слышали, конечно, но мы далеко не так хорошо знаем его жизнь и поэзию, как знаем еще из школы великого русского поэта—Пушкина или Лермонтова. Это потому так вышло, что живя здесь, на Украине, мы прошли казенную, старорежимную школу. А известное дело, что царское правительство вовсе не имело никакого желания знакомить украинский народ с его, хотя и величайшим поэтом, но поэтом--революционером, который в каждой почти строфе своих чудных стихов осыпал укоризнами, а то и прямо проклятиями царей, попов и панов. Не ко двору был Шевченко в старорежимной школе! Вот почему мы, украинцы и неукраинцы, родившиеся и выросшие в Украине и прошедшие здесь школу—меньше знаем об Украине, украинской литературе, истории—чем знаем о России, русской литературе и русской истории. А ведь это не хорошо! Ведь нужно же знать ту сторону, где живешь, нужно быть знакомым с литературой и историей живущего в этой стране народа. Не мешало бы знать и язык народных мас, здесь живущих. И прежде всего прямо стыдно не знать, не быть знакомым с Шевченко, творцом украинской литературы, поднявшим украинский язык на высоту культурного языка наряду с русским, польским и прочими славянскими и неславянскими языками. Лучше поздно, чем никогда! Будем же теперь знакомиться с Украиной и ея великим поэтом, которому уже в Российской Совет-

ской Социалистической Республике поставлен памятник! В этой книжке кратко изложены главнейшие факты жизни и основные мотивы поэзии Шевченко

Деревня. Детство крепостного

В Правобережной Украине, в Киевщине есть деревенька Моринцы в Звенигородском уезде. Она ничем не замечательна кроме того, что там в 1814 году 10 марта н. ст. родился в крепостной семье Шевченко—Грушивских сын Тарас. Он был не единственный сын у своих родителей, было еще четверо младших. Знамо дело—крепостное право. Родители работали на барщину у своего барина Энгельгарта и потеряли на этой барщине все свое здоровье.

В 9 лет осиротение. Мачеха.

Трудовик мужик был отец Тараса, Григорий, знал и ремесла и извозом занимался. Да как пошли дети малыя, пошли неприятности с родней жены, в семье которой он жил, возвратился Григорий в свою родную деревню Кириловку.

В Кириловке и вырос Тарас. У него была еще на много лет старшая сестра Катюша (мать его тоже была Екатерина). Жили они дружно хотя и бедно. Но вот умирает, еще молодой, мать Тараса, когда ему исполнилось всего 9 лет. Нельзя в избе без хозяйки, Григорий женился вторично на вдове—кто пойдет в чужую семью! У вдовы еще и своих трое малышей было. Известное дело—мачеха! Плохо пришлось маленькому Тарасу, не жизнь, а горемыканье. Мачеха придиралась. К довершению всего через 3 года умер и отец. Мальчику было 12 лет, но от отца Тараса не ускользнуло, что это необыкновенный ребенок. Умирая Григорий сказал: „Тарас будет или большим лентяем или чем-нибудь выдающимся". И он не ошибся в последнем.

Пьяный дьячек. Тарас бежит к другому. Воду носит, дрова рубит.

Тарас хотел учиться, но пьяный дьячек Губский, к которому попал в обучение ребенок, не столько обогащал его знаниями, сколько осыпал бранью и побоями. Тогда мальчик попробовал попытать счастья у другого дьяка Богорского. Здесь его совсем запрягли в работу. Но ребенок от природы был горд и независим и не выносил оскорблений.

Как-то раз он нашел своего учителя, лежащим на полу в пьяном виде. Вскипело в Тарасе все накопленное негодование, вспомнились все унижения. Не долго думая связал он пьяницу и дал ему хорошую взбучку, благоразумно решивши тотчас же переселиться в Лысянку.

Третий дьячек Тарасик пасет скот.

Из Лысянки, где его тоже ничему не научил дьячек—живописец, Тарас отправился в Тарасовку к дьячку-иконописцу, прогремевшему на всю окружность иконами святого Никиты и Ивана—воина. Знаток живописи глубокомысленно посмотрел мальчику на руку и категорически заявил, что Тарас ни к чему не способен: ни сапожником, ни бондарем ему не бывать! Огорченный мальчик возвратился домой и нанялся пастухом. Но и из этого не было проку. Тарас был очень разсеянным пастухом: скот разбегался, топтал посевы, за что Тарасу доставалось. Его фантазия уносила его далеко от окружающого.

„Столбы". Оксаночка.

Странный характер был у этого необыкновенного мальчика! Он любил прятаться в траве и там никем незамеченный, в полном уединении отдавался своим грезам. Пробовал сам учиться: записывал псалмы, где-то подслушанные, то пробовал срисовывать что-нибудь из виденного. Богатство его внутреннего мира, полнота его душевных переживаний требовала себе хотя какого-нибудь внешнего проявления. Ребенок, как мог, искал выхода своим творческим силам, применения своих необыкновенных способностей. Это была удивительно впечатлительная, тонко организованная детская душа, впитывавшая в себя малейшия впечатления и перерабатывавшая их по своему, по своему воспринимавшая. Слышал он где-то, будто небо опирается на столбы, уходящие глубоко в землю. И вот он бежит из дома—отыскать и увидеть эти небесные устои...

Когда же пас стадо, его навещала соседская дочка, маленькая кудрявая Оксанка. О них говорили их матери, что со временем их поженят. Дети играли вместе, привыкли друг к другу, сжились душа в душу. И не забыл Тарас всю жизнь до самой смерти своей маленькой Оксаночки. Она освещала ему всю жизнь, как далекая, прекрасная, незабываемая греза о счастьи. Лучшия его произведения вспоминают о ней, говорят о ней, отображают в разних образах—образ Оксаночки.

Тяжелая судьба постигла впоследствии его бедную Оксаночку!.. Зато он воспел ее, подобно тому, как другой великий поэт итальянский Данте воспел свою Беатриче.

У господ.

На побегушках. На кухне. Поваренком. Козачком.

Служил еще Тарас у Кириловского барина Кошица. Ну, вестимо и там не управился. Ни к какой такой работе не было у него склонности и внутреннего влечения. Его тянуло к живописи. Он снова пробует заняться рисованием и с этой целью идет к маляру в Хлип-

нивку. Этот понял, что у Шевченко есть способности, но побоялся взять крепостного. Необходимо было иметь разрешение самого барина. Тарас набрался храбрости и пошел в Вильшану к самому Энгельгардту. Но господский управляющий решил оставить его в дворовых. Мальчика послали помогать повару. Впоследствии перевели козачком. Куда ехал барин Тарас должен был находиться при его „персоне“. Целыми днями приходилось безсмысленно высиживать в передней, а как только барин кликнет - бежать стремительно подать огня для трубки, или поднять носовой платок с пола. Зато уже когда барин отлучался из дома—можно было рисовать или любоваться рисунками, как он уже делал раньше, убегая из кухни в сад и развешивая на деревьях свой картинки.

Розги.

Как то раз барин и застал его „на месте преступления“. Мальчик сидел ночью и рисовал, истребляя барскую свечку, за что его хорошенько вздули. Но вместе с тем барин убедился, что мальчик „неисправим“, так уж пусть пригодится, как маляр! И отдал его в обучение к маляру.

Малярским подмастерьем. Заборы красит.

Повезли его в самую Польшу, в Варшаву и определили к известному мастеру Лампи. Но неусидчивый барин скоро переѣхал в Россию и взял Тараса с собой в самый Петербург. Здесь отдали Тараса обыкновенному ремесленнику—маляру Ширяеву на 4 года в обучение. Ширяев обращался с рабочими грубо, жестоко. Наработавшись за целый день раскрашивая заборы, ночью Тарас тайком пробирался в Летний Сад, где были прекрасныя мраморныя статуи. Вот здесь в „белыя“ ночи он срисовывал эти статуи.

Встреча в Летнем Саду.

Как-то раз сидел Шевченко в саду и срисовывал какую то статую, как раз в то время проходил мимо художник Сошенко, соотечественник Тараса- украинец. Его поразило, что юноша ночью рисует и он подошел узнать в чем дело. Разговорились. Тарас понравился художнику и тот пообещал научить его настоящему искусству живописи. У Сошенко было много влиятельных знакомств. Все заинтересовались этим необыкновенным юношей крепостным, имевшим такое стремление к искусству.

Шевченко покупают у барина за 2500 руб.

Знакомые Сошенко решили выкупить его талантливого ученика из крепостной зависимости. Все это были влiятельные, известные люди. Между ними был поэт Жуковский, знаменитый художник Брюллов и

другие. Эти люди поспособствовали определению Шевченко в Академию Художеств. Они поняли, что имеют дело с большим талантом и что им выпала завидная роль: открыть дорогу этому таланту И вот сам Брюллов пишет портрет Жуковского и устраивается благотворительный аукцион. За вырученныя с аукциона деньги (2500 руб.) и купили свободу Шевченко. Барин Энгельгардт не мог отпустить на свободу ни одного своего крепостного безплатно!

Шевченко в Академии. Не оставил родного языка!

Получивши наконец вольную, Шевченко поступает в Академию Ему тогда было уже 25 лет. Шевченко набросился на науку, много читал, учился французскому языку, посещал университет.

Началась новая жизнь. Шевченко стал бывать в великосветском обществе, но не возгордился, не возмечтал о себе и не забыл, кто он и в каком положении остаются его родные. Он не стыдился и родного „мужицкого“ языка. Наоборот! он еще стал писать на нем стихи и какие стихи! На свободе у него открылось целых три таланта.

Художник. Гравер. Поэт!

Юноше что называется повезло. Зажил по новому. Стал хорошо одеваться, ходить в театр, читать. В новых условиях его способности развились во всю. Он стал художником и первым в России гравером—офортистом. Но живя полной и осмысленной жизнью, вращаясь в кругу высших классов. общества, Шевченко особенно остро и больно почувствовал всю ту пропасть. что отделяла его класс от господствующих классов. Как жили народные массы и как жило барство! Этот вопиющий контраст его новой и прежней жизни был символом той бездны, которая лежала между людьми современного ему общества. И эта бездна заставила его содрогнуться. Чтобы как-нибудь выразить всю полноту своего возмущения этой социальной несправедливостью, Шевченко начал писать стихи, по образцу народных песен. Это ему удалось. Это давало ему облегчение. В стихах выливал он всю горечь обиды, всю силу гнева, все рыдания униженных и оскорбленных он собрал в своих стихах. И эти слезы эти муки за народ сделали его поэтом!

С барами.

„Кобзарь“.

Он писал по внутреннему влечению. для себя. Он сыздетства привык к одиночеству, к разговорам наедине с самим собою. Он был глубоко одинок еще с детства, ставши сиротой 9 летним ребенком. Вдали от родных. в русской столице среди хотя и благосклонных господ, но все-таки чужих. Мужик среди бар! Как бы там ни было, но они все-таки давали ему понять, что он им не ровня

что они его благодетели и что он не должен, следовательно, „забываться“, а быть благодарным. Все-таки они природные баре, а он только освобожденный ими крепостной. Затосковал Шевченко. Чуждая обстановка, чуждые люди, вдали от близких и дорогих. Всю свою тоску за родной стороной Шевченко перенес на бумагу. Его стихи, проникнутые таким горячим чувством любви к народу растрогали его немногих соотечественников-украинцев, проживавших в русской столице. И вот в 1840 г. они сообща издали небольшую книжку „Кобзарь“, куда вошли 8 стихотворений: „Думи мої думи“, „Перебендя“, „Катерина“, „Тополя“, „Тарасова Ніч , „Іван Підкова“. Хотя написаны они были под литературным влиянием господствовавшей тогда романтической школы, но в сущности в них было больше сходства с песнями народных певцов-кобзарей, бандуристов. Справедливо один русский критик сказал о Шевченко впоследствии, что это был последний кобзарь и первий великий поэт украинского народа.

Чудо свершилось!

Как только отпечатанный в Петербурге „Кобзарь“ появился в Украине, как только раскрыли его здесь, то и плакали и смеялись. Разбудили его песни в каждом обусевшем украинце что-то далекое полузабытое, но родное и близкое, казалось уже па веки утраченное Поэзия Шевченко перевернула вверх дном многия души, вызвала сильнейший отклик симпатии или протеста, но никого не оставила равнодушной. Такое действие оказывает всегда в жизни приход великого поэта. Самая форма стихов—живая, чисто народная речь—произвела целую революцию. И до Шевченко писали по украински, но писали больше в шутку, для смеха. А Шевченко—рыдал! Это было не шутка, а что то новое и великое, значительное, как сама жизнь. Все поняли, что украинский язык—язык великого народа, язык начинающейся новой литературы. Многих это взбесило, но и многие прозрели. И по всей Украине прошла весть о ея великом поэте.

Барство. Интеллигенция. „Теплый кожух“.

Столичное барство заинтересовалось поэтом „самородком“. Он вошел в „моду“. Его то и дело приглашали на званные обеды, его благосклонно похваливали с высоты своего величия, одно только им не нравилось: поэт, как поэт, а вот, мол, пишет на этом простом, хамском, „хохлацком“ языке!

И вот они стали советовать бросить родной язык и писать по русски, „по благородному“, Шевченко послушался и попробовал, но убедился сам и привел в разочарование своих советников: по русски у него выходило то, да не то! Чего то недоставало,—самого главного, но не хватало. Вся прелесть непосредственной искренности пропадала при переводе Шевченко своих мыслей по русски. В русских стихах

выходило что-то вымученное, мертвое, натянутое. Шевченко понял, что может писать только на родном языке, и отбросил барские советы, которые грозили убить его поэзию. Он гордо заявил, что все советы бросить родной язык—хотя и очень прельстительны, обещая всяческие блага земныя—но он предпочитает отказаться от всех этих земных благ, лиш бы не угасить своего духа, не убить в себе истинного поэта, который никому не продается—ни за какие блага мира. Он с негодованием обличал тех ренегатов родного народа, что стыдились своего „хохлацкого“ происхождения, сделавшись истинно „русскими“ людьми. Он понял, что украинскому народу нужна родная украинская школа. Это тем боле замечательно, что и до сих пор находятся людишки, хотящие доказать такую вопиющую глупость, что будто бы украинскому народу нужна русская, а не украинская школа!. Какое дело этим жалким душонкам до великой души великого поэта! Все великие люди—выразители воли своего народа, и в лице Шевченко украинский народ сказал, что ему нужно. Каких же еще „плебисцитов“ и „референдумов“ нужно всяким обрусителям, хотящим построить свое гнусное благополучие на темноте народных масс?!..

Крестьянский „рай“.

Шевченко далеко опередил свою эпоху, опередил не только своих современниковъ, но и многое множество благополучно здравствующих и по сегодняшний день обывателей. Драмою его жизни было то, что он пришел слишком рано и умер непонятый и неоцененний. И до сих пор еще недооценивают значения Шевченко. Его не поняли ни друзья ни враги. Баре хвалили его стихи, в которых он описывал красоту украинской природы. Но Шевченко с горькой иронией принимал эти похвалы. Он носил в своей душе слишком много страданий и слез народных масс и гневно швырнул в лицо хозяевам жизни, господствующим классамъ свой вызов-протест от лица этих масс. Он бросил вызов на смертный бой всему старому миру насилия. Он прямо сказал, что земла могла бы быть раем, но господа всех мастей во главе с царями *сделали ее адом.*

На родине.

Окончивши Академию Художествъ и получивши звание свободнаго художника, Шевченко полетел из России домой в Украину. Об‘ехал Черниговщину, Полтавщину, Киевщину, взглянул новыми глазами на жизнь народа и еще больше ужаснулся, увидев все воочию. Его братья и сестры работали на барщине. На миг он еще верил, что баре могутъ обнять „меньшого брата“—ведь они все-таки христиане!.. Но потом он понял, что никакое христианство здесь не поможет, если народ сам не прозреет. А для этого ему нужна наука, образование. И вот Шевченко ждет „когда придет апостол правды и науки“.

Братство украинских федералистов.

Как раз в это время в столице Украйны —Киеве было основано так называемое Кирилло-Мефодиевское братство. Как когда Кирилл и Мефодий принесли к нам письменность и культуру своего времени, так и теперь нужно приобщить все славянские народы к западной цивилизации в родных им формкх. Каждый славянский народ имеет право на самоуправление, имеет свои законы, а все вместе составляют единый союз, но не под главенством России, а все составляют федерацию, никому не подчиняясь, как равный с равным. Крестьяне должны быть свободны, должно быть введено всеообщее обучение, всеобщее избирательное право, выборное начало и т. д. Для того времени эта программа была довольно либеральна. Но Шевченко хочет еще большого, он желал революционного возстания народных масс, мечтал о нем, если и не решался его пропагандировать. Во всяком случае его держали в стороне от братства, боясь, что он замешает братство „в политику".

Но царю Николаю I уже была подана докладная записка, в которой шеф жандармов гр. Орлов требовал репресій против т. н. украинофильства. Украинофильство было то же русское славянофильство, но перенесенное на украинскую почву и потому особенно вредное. И вот шеф жандармов просит царя запретить „в Малороссии" профессорам говорить об украинском языке и вообще обо всем украинском. Пусть украинцы не знают. что они украинцы. Воспитывать детей в чисто русском духе, внедряя им со школьной скамьи любовь не к Украине, а к России и ко всему русскому и держа подростающия поколения в полном неведении обо всем украинском! И цар послушался своего жандарма. Казенная школа целые поколения обрусила, вытравивши все родное. И мы видели последствия этой работы: поколения, прошедшие казенную школу, и слышать не хотят еще и по сей день ничего об украинской культуре, языке, про народ. про украинскую школу! Эти люди не знают, что угашая дух народа они только играют в руку черносотенной реакции.

Шевченко записываетъ народныя песни. Рисуетъ виды украинской природы.

Ставши свободным художником, Шевченко получил место професора живописи в Киевском университете и вихлопотал себе командировку по Украйне с научной целью изученія народной жизни, быта и запечатления памятников искусства и украинской природы.

Но все это очень скоро прошло, как сон. В 1847 году Шевченко арестовали вместе с другими членами братства по доносу одного провокатора и отвезли в Петербург, где заключили в Петропавловскую крепость.

Десять лет в неволе.

Следствие по делу Шевченко вели два жандарма—генералы Дубельт и Орлов. У Шевченко были найдены стихотворения „Сон“ и „Кавказ“ и прочие, в которых он *обличает царей и призывает к борьбе*. Вот за это царь особенно возненовидел Шевченко. Его отдали в рядовые и отправили в Оренбургские степи в Орскую крепость. Царь собственноручно приписал на приказе о ссылке: *„с запрещением писать и рисовать“*. Это запрещение было уже чем-то чудовищным. Как ни были жестоки и подлы все цари на земле, но на это были способны только в России—только русские цари, носители азиатских традиций. Но здесь нашла коса на камень. Шевченко твердо решил: „не сделают из меня солдата“. Однако и там его не оставили в покое. Послали донос в Петербург, что Шевченко имеет некоторые облегчения, напр. не живет в казарме. Из Петербурга пришел приказ посадить Шевченко в тюрьму. И посадили. И просидел он полгода. Потом его сослали в Новопетровский фортъ.

Послания к самому себе.

Ужас ссылки еще усугублялся ужасом одиночества, отчужденности поэта от окружающей среды и забвения со стороны друзей. Приходила почта, все получали письма, а Шевченко ничего ни откуда не было. И вот всю боль одиночества, всю горечь обиды он вкладывает в свои стихи, которые прячет за голенище солдатского сапога. Одна такая книжечка стихов, которую проносил Ш. два года в сапоге за Аралом еще долго провалялась „на сохранении“ у друга Ш.—Костомарова. Он „сохранял“ ее под замком, никому не показывая. Боялся за свою шкуру.

Пропащие десять лет жизни.

Жизнь в ссылке, этот длинный ряд дней, месяцев, лет однообразной убийственной солдатской лямки, с вечной муштрой, строгостями и придирками офицеров—добила поэта. Костомаров писал: „под солдатскую шапку взяли Ш. веселого, жизнерадостного, сильного с густыми русыми волосами, а из под этой шапки он возвратился с седою бородой, и совсем лысой головой и навеки пропащим здоровьем“.

На воле...

Всему бывает конец. Умер царь Николай и новый „помиловал“ Шевченко, т. е. вернул из ссылки, но не на родину, а в Россию и то не сразу, а еще продержали поэта предварительно полгода в Нижнем, после чего сообщили, что жить в Петербурге тоже нельзя. Нужно было опять хлопотать о снятии запрещения. Наконец—сняли. Но не сняли до самой смерти—надзора полиции. Страдания поэта окончились только вместе с его жизнью. Но они сломили только

здоровье поэта, подкосили его жизнь, не сломивши его духа. Поэт не смирился. Не изменил мечтам своей жизни, грезам своего детства. Он остался свеж и молод всю жизнь. Он еще вырос в своем святом гневе и святой ненависти. Он переоценил все ценности и все святости старого мира. Он вернулся новым человеком, таким далеким этому старому миру. Он настолько переродился и вырос духом, что стал чужим даже своим бывшим друзьям и приятелям. Он перерос своих учителей. Это был теперь гигант. Великий пророк и учитель жизни. Это была великая душа, прошедшая горнило страданий. Теперь он знал, что нужно делать, на кого надеятся...

Работы для народа.

С лихорадочной поспешностью берется поэт за самую черную, неблагодарную работу: составление украинских учебников для народа. Составляет „Букварь", задумывает большое издание видов украинской природы. Ясно, что он хочет разбудит свой народ к новой жизни. Но было уже поздно... Его жизнь догорала.

Гора над Днепром.

Крепок телом и духом был мужицкий сын Шевченко, но и его подкосила ссылка и „свобода" под бдительным оком жандармов. Он жаждал полнаго гармоническаго существования, чувствовал всю красоту и радость жизни.

Ведь он был не только поэт, но и художник! А люди устроили ему ад. Никто не согрел его жизнь теплом нежной преданности, у него не было близкой, родственнной, понимающей его души. В других странах другие поэты имели нужных друзей, имели целые группы восторженных ученников и подражателей, помощников в работе, соратников в борьбе. Шевченко был совсем один и особенно остро почувствовал это свое одиночество именно после ссылки. Каково это было поэту с такой душой, как у Шевченко! Он отстрадал, а не прожил свою жизнь, в которой даже не было счастливой женской ласки и привета. 11 марта 1861 года он угас...

Тогда появились его друзья и приятели и устроили ему пышные похороны. Согласно его воле тело его было перевезено из России в Украину и погребено на берегу Днепра на высоком кургане, откуда могилу поэта видно далеко вокруг. Друзья устроили культ этой могилы, а самого Шевченка канонизировали в целом ряде поколений т. н. украинофилов, однако культ Шевченко не мешал украинофилам запрещать его поэзию для своей молодежи и цензуровать ее. Только теперь, после революции и после окончательной победы Новаго Мира— Шевченко из обители теней, из канонизованных святых—вернется на землю и даст новые великие импульсы к жизни новым людям на обновленной земле...

Великий народный поэт *).

Не только Украинцы, но и прогрессивная Россия, все что мыслит и чувствует в ней, восторженно относится к поэтическому таланту величайшого представителя украинской культуры—Тараса Шевченко, преклоняется перед его полным любви сердцем и с печалью вспоминает о его многострадальной судьбе. Недавно еще ни один интеллигентный человек в Росссии не решился бы без краски стыда на лице, без страха перед всеобщим презрением говорить о Кобзаре-мученике иначе, как с величайшим благоговением.

Однако времена меняются. Заметная часть российской интеллигенции, даже литературной братии, отошла от главного течения русской прогрессивной мысли...

Появились безцеремонные наемники „грядущого хама", уверенной в себе буржуазии, удовлетворенного собой капитала, появились писатели, изо всех сил старающчеся обезславить великие традиции русской литературы и русской общественной мысли и найти культурное оправдание буржуазному укладу жизни, все острее дающему себя знать.

Но как же это трудно им, тем продажным перьям! Ведь российская буржуазия самая темная и самая пассивная из всех, что до сих пор выступали на сцену мировой истории.

К тому ж и созрела она в такое время, когда уже переспели, гниют и падают в осеннюю грязь плоды буржуазной культуры Запада. Однако, чем безнадежнее становится подложить мощний фундамент под мещанское царство в России, чем очевиднее, что коренное, воспитанное столетиями борьбы с чудищем самодержавия, народничество русской интеллигенции, русских писателей, вербуются ли они из кающихся дворян или из разночинцев, выходцев с низов,—должно привести при теперешней ясности классового деления к социализму, чем более понятно, что именно всеславянская литература является наилучшим и грандиозным вступлением к литературе сознательно социалистической,—тем нахальнее, тем смелее и бесстыднее делают свое дело прихвостни капитала.

---

*) Статья А. Луначарскаго приводится в переводе с украинскаго по Львовскому изданию.

Не так давно целый ряд либеральных российских писателей заговорил о своем национальном лице. На первый взгляд это как будто похвально даже. Каждая национальность имеет право уважать себя и заботиться о своеродности своей культуры.

Так что же, разве великороссийскую национальность, как таковую, забыли, забросили талантливейшие ее представители? Разве все ее писатели от Пушкина до Толстого не национальны в лучшем смысле этого слова?

Отчего же внезапно заговорили о национальном великороссийском облике, как о чем-то новом, о чем-то таком, признание чего требует даже большой отваги? А это потому, что национальные фразы господ Струве, Изгоевых, Чуковских и даже Чириковых сошлись с неожиданно обостренным зоологическим национализмом Столыпина, Меньшикова и их приспешников.

Хотели построить мост, который соединял бы благородный национализм, не раз мученический, защищающий права своей народности, но и глубоко уважающий всегда всякую культурную ценность иных национальностей, с национализмом человеконенавистническим, полицейским, палаческим, с национализмом нагайки, цензуры, казармы.

Это заигрывание буржуазной публицистики с самой позорной стороной Столыповщины уже одно свидетельствует о жалком положении буржуазии, в страхе за свою будущность хватающейся за кровавую саблю опричника.

Ведя свою линию московского шовинизма, кокетничая с антисемитизмом (который, кстати сказать, даже в Польше в наше время позорно заразил когда то прогрессивных представителей ея журналистики), буржуазные публицисты и представители, так называемой, молодой критики должны были естественно начать переоценку культурных ценностей угнетенных народов России, значит и одной из наибольших между ними—поэзии Шевченко; для ненависти к этой жемчужине славянской литературы у господчиков вышеупомянутого типа были и другие причины.

Тот самый критик, который отважился замахнуться своим шустрым, но грязным пером на славу Великого Кобзаря, в последнее время окончательно выяснил нам причины его ненависти к народному поэту.

Этому критику хочется доказать, что народ, демос, трудящиеся массы, в общем, неспособны ни к какому творчеству.

Это, видите, неправда, что как раз из горячей бездны народно-массового творческого духа появились и языки во всей их безмерной и прекрасной разнородности, и народная музыка, очаровывающая величайших мастеров музыки, и религия с ея мифами и догмами, и песня, как эпическая, величаво-образная, так и хватающая за душу своей искренностью лирическая, и, во всей свежести и глубине мысли,

обрядовая. Неправда, будто народ в своих легендах, верованиях, сказках, поговорках создал основу, с которой подымается вся литература человечества. Неверно, что народ создал стили архитектуры, одежды, утвари, которые и доныне являются чудом цельности и вкуса. Все это неправда. Народ всегда был „быдлом", инертною материею, тьмою, куда лишь проникал луч аристократического творчества, народ всегда питался лишь об'едками, падавшими со стола господ!

Пробу доказать эту чудовищную культурную ложь давно уже сделали буржуазные мыслители, изследователи и софисты Запада.

Потому, что господа мира сего не могут быть вполне спокойными, если история говорит им о когда-то существовавшем пышном и могучем массовом творчестве, которое они искусственно остановили почти убили и которое со дня на день может воскреснуть.

Народ похож на того сказочного героя, под кем кроется первобытный Бог—солнце, и про кого с такой охотой разсказывают нам дошедшие до нас народныя сказки: Судьба, зима—Марана, силы смерти, чары Бабы Яги и бессмертного Кащея лишили этого героя на некоторое время его чудесного сияния. Ему приходится прятаться, пребывать в горькой неволе. Он покрыл бычачьим пузырем свои огненные кудри и, сидя в закопченном углу барской кухни, мыл грязную посуду со стола вельможи. Но наступает время, когда жизнь зовет громкой трубой на подвиг все молодое и полное силы, и тогда Иван Шолудяк срывает с себя свою фальшивую грязную лысину и в славе своих огненных кудрей, сияя красотой и силой, является перед всеми на страх своим угнетателям и на радость своим товарищам по тяжелой несвободной работе.

Шевченко больше всякого другого поэта знаменует собою как раз воскресение творческих сил народа после векового сна, вызванного гнетом.

Историк Костомаров совершенно справедливо говорит о Шевченко: „Шевченко, как поэт,—это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Шевченковская песня была сама по себе народною песней, какую теперь мог бы запеть целый народ и какая должна была вылиться из народной души в продолжении современной народной истории.

По этому взгляду, Шевченко был настоящим народным избранником. Он сказал то, что каждый человек сказал бы, если б его национальное существо смогло вознестись до способности выразить сберегавшееся где-то на дне души чувство.

Шевченко говорит так, как еще и не говорил народ, но был уже готовым заговорить и только ждал творца из своей среды, который овладел бы его языком, сокровищами языка; а за этим творцом так же заговорит сам народ и единогласно скажет: это мое!..

Шевченковская поезия—непосредственное продолжение народной поезии"...

На разсвете истории мы встречаемся с особенно художественным творчеством народных масс. Эксплоатации хищного города, военно-купеческих классов, помещиков-феодалов или еще не существует, или она дает селу, крестьянской великой семье определенную свободу существования. Разумеется, житье тут тяжелое и крестьянство ведет геройскую борьбу с лесом, болотом и их населением.

Однако этот свободный крестьянин, коллективист по форме своего хозяйства, горд своим трудом, не знающим еще слишком острой нужды. Из сказаний старины мы знаем, что разница между крестьянином и царем, князем совсем не была большою; легенды разсказывают о посещениях крестьян князьями, о венчании на царство крестьян; кое-где, особенно в славянстве сохраняются обряды, в которых князь сам является „хлеборобом".

К этой эпохе демократически-крестьянского уклада жизни славянства относятся и гордые былины, сложенные в киевской земле, которые поют о символическом крестьянине Микуле-Селяниновиче. Его мужицкая кляча опережает коня князя-волшебника Волха. его плуга не могут вытянуть из земли ни князь, ни вся княжеская дружина, в то время как он один бросает его одной рукой под облака.

Дочь Микулы, Василиса Микуловна,—рисуется перед нами обладательницей необыкновенной мудрости и сердечности.

Боги, превращающіе другого крестьянина--Илью в исполина силой, предупреждают его: „не борися с Микулою, ни с родом его—их любит мать сыра земля".

Именно эта крестьянская эпоха в развитии славянства дала начало несравненной в своем роде эпике, лирике и музыке славянских народов.

Долее, чем где бы то ни было, били в славянстве кипучие источники народного поэтического творчества, но, разумеется, подобные периоды переживали все народы. Великий без'имянный творец с бесчисленными головами—народ—создал самое колоссальное художественное явление, какое только знает свет, безмерно превышающее все иные творения земли: это система человеческих языков. На этой почве, по мере ея формирования и очищения, словно неизмеримо богатая флора и фауна первобытно художественного мира, появились боги и мифы, былины, думы, обрядовые и лирические песни, сказки, пословицы и поговорки.

Более или менее поздно, постепенно, но повсюду настал конец поэтичному периоду в развитии народов. Многие социологи и историки культуры старались об'яснить это переходом народов от наивного и мечтательного детства, от бурной и пылкой юности к спокойной зрелости, когда блестящую догадку заменяет точная истина, а на

смену поэзии приходит наука с ея холодным всепроникающим светом. Но, разумеется, это неверно. Потому неверно, что развитие поэзии совсем не останавливалось у высших классов, как раз тех, что наиболее были просвещены лучом научного познания. Поэтическое творчество, нашедшее в верхах выдающихся индивидуальных представителей, в то же время исчезало в народных низах, где его совсем не заменяло научное просвещение. Нет, об'яснение должны мы искать в усилении гнета, падавшого на низшие слои общества. Поделенное на классы, общество все больше отдавало народные массы под хищную власть разбойничьих верхов, спина народа все ниже склонялась над орошенной его потом землей, и петля рабства экономического и правового все теснее затягивалась на его под'яремной шее.

Не только приостановился процесс народного творчества, но началось и еще худшее: старая песня, дума стала вымирать. Возникло новейшее, на крови и железе построенное, государство—так называемое—национальное, почти везде основанное на покорении одних наций другою, разумеется покоренной шайкой разбойников, которых исторический процесс выдвинул на вершину социальной пирамиды

Нужно сказать, что великорусский народ еще своевременее утратил способность к творчеству, чем Украина, сохранявшая тень независимости и демократического устройства до конца XVIII столетия, когда когти двухголового орла впившись в ее сердце, не прекратили последних его трепетаний.

Однако, так называемая, господствующая нация, хоть и несет на себе, в лице своей основной трудовой массы сверхсильний гнет эксплоатации, высушивающей ее народно-творческие силы, то, по крайней мере, не видит она поставленной на карту судьбы самого своего языка, потому что язык, господствующей нации делается главным способом казарменно-полицейского нивеллирования всех народов среди данного государства.

У подневольного ж народа отнимается его интеллигенция, навязывается ему чужая школа, он попадает под шпионский присмотр тупых цензоров. Все это добавляется для него к каторжному труду, невыносимой тяготе податей и разврату казармы, падающими на него, как и на весь трудящийся люд без различия национальностей.

Медленное вымирание подневольных наций кое-кто принимал даже чуть ли не за успех космополитичной цивилизации. С легким сердцем говорили о естественной победе наиболее приспособленных к жизни над „низшими по типу" и о добре, какое несет с собою для этих бедных „низших" ускоренная ассимиляция их „высшими".

Австрийским Чехам, как и Украинцам, предсказывали национальную смерть через несколько десятилетий и полное слияние их с господствующей нацией.

Так нет же! Когда лучи новой общеевропейской прогрессивно-демократической культуры пробрались в темную глубь дважды угнетенных масс, они проснулись, узнавши себя не только как людей и как эксплоатируемых труженников, но и как наследников своей самобытной культуры, как хранителей нетленной прелести своего дорогого материнского языка.

И вот тут встает, возникает одно из отраднейших и наиболее глубоких эстетических явлений: индивидуальность, отделившаяся, оторвавшаяся было от своего народа становится великим фактором самовозрождения масс. Поэты-художники, вооруженные всеми завоеваниями цивилизации, богатые интернациональным опытом и нежнейшей душой—продуктом сложной структуры современного общества—эти художники благоговейно подходят к сокровищнице народной мудрости и красоты, и черпают из нея полными пригоршнями алмазы-самородки шлифуют их по всем правилам новейшого искусства в прекрасные звезды-бриллианты.

И этот колоссально-важный, красивый и глубоко демократический процесс наиболее ярко и трогательно прошел на Украйне, неразрывно связавшись со святым именем Тараса Шевченко.

Прежде всего припомним внешнюю сторону его жизни.

Тут мы имеем не типичного, с определенным воспитанием, интеллигента, хотя бы и близкого к народным массам.

Нет перед нами действительно—крестьянин, сын крепостного киевской губернии. И словно с умыслом судьба собирает все горящие угли страданий на голову этого нежного и чуткого человека.

Еще мальчиком стал уже сиротою.

Несчастный и среди несчастных, к тому же рабом он был, не находит никакой опеки отеческой, нет ему родственной нежности. До 16 лет бродит он с места на место и грамоте учится у пьяных дьячков, где терпит тяжелую оскорбительную работу, и часто зарабатывает на кусок сухого хлеба, нанимаясь.,.

На 16 году барский приказ выгоняет его еще из родного края.

И восем тяжелых долгих лет проводит Шевченко в Вильне, Варшаве, Петербурге. Был лакейчиком своего барина, потом служил то за помощника повара, то казачком.

Наконец, в надежде извлечь из него больше пользы, отдают его в ученье маляру. Луч света. Гениальный мальчик, даже и в таких обстоятельствах, имеет возможность показать величину своих способностей.

Шевченко не может быть обыкновенным маляром. Ему дают кисть и краски—и он становится художником.

Величайший мастер того времени Брюлов и славный поэт Жуковский приходят прямо в изумление от творений „маленького хохла".

Высокая протекция двух этих людей вырывает из когтей неволи

молодого Тараса. И как сейчас же расцветает гордое и нежное, богатое и скромное, скорбное и жаждущее счастья сердце! Он ученик академии. Его способности растут.

Но кисти и красок ему уже недостаточно: он творит словом.

И для творений сильных и ярких достаточно ему одного украинского языка. С негодованием и насмешкой отбрасывает совет своих приятелей писать по русски. Как он это может? Ведь всеми фибрами своего существа связан он со своим многострадальным народом.

Если счастье улыбнулось ему, так не для того, чтоб он покинул свой народ и перешел в лагерь господ, а для того, чтобы душистыми цветами расцвела поэзия души его, живущая соками корней в родном черноземе. Шевченко издает свой первый Кобзарь.

Но не долго сравнительно продолжается спокойная творческая жизнь. Его не в состоянии удовлетворить одна только литературная деятельность; он хочет и, как общественный работник, помогать возрождению своей Украйны. В то время основалось прогрессивно-культурное Кирилло-Мефодиевское Братство и Шевченко становится одним из самых деятельных его членов. Такое Братство, пожалуй допустил бы даже Столыпин, но режим Николая I не мог его потерпеть.

Шевченко арестовывают и отправляют простым солдатом в ссылку, в Оренбург, а потом даже за Урал. И снова начинаются для Шевченко дни новой неволи, дни раздирающих душу издевательств. Шевченко запрещают писать, запрещают и рисовать.

Словно умышленно хотят муками страданий уничтожить душу и тело этого печальника за свой родной край.

Только через десять лет измученного, искалеченного выпускают на свободу.

Еще несколько недолгих лет и он умирает. Такова внешняя сторона жизни Шевченко.

Сравните это с другой биографией. Немного позднее крестьянский сын счастливого Прованса Фредерик Мистраль взялся возродить звучный язык, славные поэтические традиции, самобытную культуру „французской Украйны" Правда, сначала это намерение встретили с некоторым недоверием. Но все ж таки трудился он в благоприятной обстановке и его, становившиеся все более талантливыми, творения (им далеко по глубине и силе чувства до поем Шевченко) завоевали ему наконец блестящую славу. Раз в Арле был бой быков и вот, когда в самый интересный и захватывающий момент боя появился там Мистраль, все, как один, забыв обо всем, встали и встретили его бурей аплодисментов. Когда университет Монпеле праздновал семьсотлетие своего существования, все студенты, какие были тут из Франции, Гельсингфорса, Упсалы, Толедо, Болоньи, церемониальным маршем прошли мимо старого летами поэта, забрасывая его цветами. Раз так-

же вышел Мистраль на балкон своей дачи возле Сан Ремо посмотреть, как будет проходит мимо его дома 11 драгунский полк.

Главный начальник увидел Мистраля и приказал салютовать ему знаменами и саблями. И прошел полк с наклоненным знаменем, как это делается только перед царями. Так чествует Франция своего „Шевченко". Если бы случился здесь кто-нибудь из Украинцев, то разве не заволоклись бы слезами его глаза, не встал бы перед ним страдальческій образ замученного поэта, кому не только не воздали хвалы, славы, но даже и жить не давали.

А жить ему хотелось и много хотел он от жизни!

О. Боже мій милий!
Тяжко жить на світі, а хочеться жить:
Хочется дивитись, як сонечко сяє,
Хочется послухать, як море заграє,
Як пташка щебече, байрак гомонить,
Або чорноброва в гаю заспіває....
О, Боже мій милий, як весело жить!

Не дали. Не дали потому, что не мог он примириться с неволею своего родного народа.

Однако внешние данные Шевченковской биографии еще не главное доказательство его действительной „народности." Более важна неразрывная внутренняя связь, дававшая Шевченко право с гордостью назвать свой Кобзарь „мужицкою книгою."

Украинская музыка и поэзия самая роскошная и душистая из всех веток мирового народного творчества.

Минорная по содержанию, печальная даже в веселом порыве украинская песня ставится всеми знатоками на первое место в музыке всех народов. Украинские думы, через столетия передавшиеся Гомерами Украйны—кобзарями, светят своими красками, чувствами, рыцарством в любви и во вражде, размахом казацкой отваги и философской вдумчивостью. Впившись корнями в чернозем Украйны, вырос одинокий, но несравненный по силе и красоте дуб—поэт Тарас Шевченко.

Повторяем, нигде и никогда возродители и воскресители национальной поэзии не были так ярко народными, как Шевченко. Великие народные поэты, пылко чувствуя минувшее и настоящее своего народа, беря содержание его песен и легенд, создают литературный язык на основании непосредственного изучения обычного народного говора.

Но часто также перенимают они многое и в содержании, и в форме из общечеловеческой культуры и возносят народную поэзию не только на высокую ступень стилистического совершенства, но и до уровня чистой интеллигенции. У Пушкина, Мицкевича, Мистраля и др. не много есть произведений насквозь проникнутых гениальной простотой неподдельно народных мыслей и чувств, и вылившихся в чисто народные песенные формы. Философские мысли великих людей,

верования, быт, сказания чужих народов, и переживания оторванных от народа интеллигентных лиц—с одной стороны, с другой освященные литературной традицией метафоры, основы стихосложения, логически-грамматическое построение фразы—все это находит много места у всех величайших национальных поэтов. У Шевченко не то. Его книга действительно народная книга. В ней не найти и сотни строк, непонятных обыкновенному крестьянину.

Чувства и мысли классически просты, какими живут они в душе народа. Почти ни одного образа не перенесено из классической античной или европейской литературы, они все взяты или у родной народной песни, или из собственного сердца поэта. Тоже и относительно формы. Ритмы и рифмы также не могуть быть подведены под правила общепринятой, перенятой у греков, просодии, хотя б и приспособленной к нашей тонической манере.

Шевченко совсем свободно идет за народной традицией и создает „свободный стих" на несколько десятилетий раньше, чем заговорили о нем передовые поэты Запада.

Далее мы обстоятельнее рассмотрим и содержание и форму поэзии Шевченко, а сейчас только хотим сказать, что у него почти нельзя найти чего-нибудь не народного.

Но Костомаров прав, утверждая будто сам народ во времена Шевченко не смог бы создать поем и песен „Кобзаря".

И не только оттого, что у Шевченко была исключительная гениальность, а и потому, что он добыл себе широкое образование.

Культурность по европейски воспитанного человека отразилась на произведениях Шевченки лишь утонченностью вкуса, силою постройки поэмы, а в лирике и поэзии глубиной самоанализа и широтой взглядов. В самом содержании Шевченковского творчества нет чужих элементов. Тут Шевченко с головы до ног Украинец и крестьянин.

Если сравнить его с далеко уступающим по размерам таланта и розмаху духа Кольцовым, то увидите, что последний постольку родственен Шевченко, поскольку не заботится о школьной просодии и умеет вносить в свои стихи чисто народную певучесть, но сразу теряет почву действительной народности, выходя за границы пейзажа или передавания самых примитивных чувств. Но наибольшая разница между Шевченко и Кольцовым в том, что Кольцов в истинно народной части своего творчества недостаточно выявил духовное содержание своего народа, тогда как Шевченко выразил и его и всю бытовую и стихийную обстановку с величайшей верностью. У Шевченко нет ничего не народного, в нем поместилось все, имевшее место во времена его жизни.

Горячая любовь к родному краю дала Шевченко возможность так чудесно сберечь свою народность.

Свою стихийную отчизну он любил, как сын, влюбившийся в

необыкновенную царскую красоту своей матери: ревущий Днепр, степи, горы-могилы, белые хаты, вишневые сады да стройные тополи.

И над всем этим ласковое украинское небо.

Это пейзаж, повторяющийся у Шевченко с непривычной простотой и яркостью, позволяя почувствовать в нем истинного художника.

Часто вид красоты украинской природы приводит его в состояние экстаза и до краев души полного счастья.

Свою земную отчизну Тарас Григорьевич любил гневной и пылкой любовью сына матери опозоренной и униженной.

Собственная судьба, судьба своей славы, была для него ничем в сравнении с горькой обидой, незабываемым оскорблением, нанесенным его матери, в сравнении с болезненным страхом за ея будущее.

Мені однаково, чи буду
Я жить в Україні, чи ні,
Чи хто згадає, чи забудуть
Мене в снігу на чужині—
Однаковісінько мені!
Та не однаково мені
Як Украіну злії люди
Присплять, лукаві, і в огні
Ії, окраденую, збудять...
Ох, не однаково мені!

Так писал Шевченко в Петербургской цитадели. Национализм Шевченко конечно враждебность, но лишь к угнетателям. Его национализм, как и вся его нежная душа, больше всего и прежде всего—полон любви. Нельзя однако отрицать, что Шевченко не только поэт национальный, но и поэт-националист. Вопрос о судьбе украинской национальности занимает первое место в его поэзии. Это понятно уже по политическим причинам, роднящим национализм Шевченко с национализмом Мицкевича, Фосколо, некоторых Ирландцев, с национализмом великой народной поэзии Сербов. Ведь можно любить родной край тихой спокойной любовью, занимающей свое законное место среди иных благородных страстей, так любить отчизну уже торжествующую, или, по крайней мере, свободную, но нельзя любить этой тихой и естественной любовью отчизну оскорбленную и потоптанную. До какого страшного трагизма поднялся Достоевский в „Братьях Карамазовых“, показав нам конвульсивную, болезненную, смертельную любов Ильюшенки к своему запуганному, заплеванному отцу. Тут любовь не только неразрывна с ненавистью, не только полна безконечной печалью—в ней много отчаяния, даже ноты презрения к самому предмету любви.

Но каждый миг, за тень тени этого отчаяния, этого презрения сердце сына платит волнами горячей, кипучей крови, насыщенной мученической любовью.

Так любил и Тарас Шевченко свою Украйну.

Тараса Шевченко я ставил рядом с другими поэтами националистами, но ни один из них, даже великий из великих—Мицкевич, не выразил своей любви к родине в такой волнующей форме, с такой почти бешеной силой.

Не только политическое рабство Украйны содействовало у Шевченко обострению национального чувства—оно было в гармонической связи с иными чувствами; не только оскорбленный гражданин протестовал в нем—этого гражданина непоколебимо поддерживал и художник, живший в душе Шевченко. Шевченко, влюблен в красоту украинской речи, в ее словесную роскошь, чудесную певучесть, неисчерпаемый юмор, в ее свободность от всякой грамматической неволи, влюблен в роскошные и меткие метафоры и сравнения народного творчества созданные в течение веков; он влюблен в исторические казацкие формы быта—в то же время все это в пренебрежении. Не только солдатский сапог режима Николая I-го топчет молодую украинскую литературу, но и украинская интеллигенция стыдится своего мужицкого выговора и силится заменить свой чудесный язык калеченным, недоговоренным, полумосковским наречием. Шевченко словно чувствовал, что насилие правительства и измена родному языку большей части украинской интеллигенции лишают его музу заслуженной аудитории, что презрение к языку, так им чтимому, становится на дороге между ним и его народом. Вот почему Шевченко—литератор поддерживал Шевченко—гражданина в его национализме.

Однако и это еще не все. К моменту политическому и культурнохудожественному мы должны прибавить еще и момент социальный. Украинский язык не только язык его народа, это народный язык демократический, крестьянский. Украинство для Шевченко не только нация—это класс, это угнетенное крестьянство.

Сочувствие поэта крестьянина крестьянской массе слилось с любовью к родному краю, родному языку.

Что касается дворянства, то в значительной части оно чужое, пришлое, не имеющее живой связи с украинским народом, да и украинского происхождения „панство", кого так часто проклинал Шевченко, утратило свою связь с народом.

„Твої люди окрадені,
А панам лукавим
На що здалась козацькая
Великая слава.

Национализм Шевченко насквозь проникнут демократическим и революционным чувством. Тоска, гнев, даже самая крайняя готовность к наиболее острым формам борьбы за свободу свойственны поэту.

Все это с необыкновенной силой отразилось в его поэме „Гайдамаки".

Недаром после похорон Шевченко среди местных, главным образом польских, помещиков возникла курьезная легенда, будто бы сторонники поэта задумывают новую гайдамаччину, что предназначенные для этого ножи до подходящаго времени закопаны в его могиле над Днепром. Губернатор Безак уже думал разрывать могилу и только почитателям великого писателя едва удалось уговорить либерального сатрапа отказаться от этого кощунственного намерения.

Нельзя с уверенностью сказать ожидал ли Шевченко народного восстания против правительственного и помещичьяго тиранства, но во всяком случае он пылко желал его, мечтал о нем.

Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу,—отоді я
І лани, і гори—
Все покину і полину
До самого Бога
Молитися. А до того
Я не знаю Бога!

„Паны“ и наездническое насилие неразрывно сплетаются в воображении Шевченко.

В тому господньому селі,
На нашій славній Украіні,—
Не знаю, де вони взялись
Приблуда княз,—була й княгиня.
. . . .
Дочку й теличку однімає
У мужика,—і Бог не знає...
А може знає та мовчить!

Князь ведет разгульную жизнь:

Бувало літом і зимою
Музика тне, вино рікою
Гостей неситих налива
А князь аж синій похожає,
Та сам несмілим наливає.
Та ще й покрикує: „віват!“
Гуляє князь, гуляють гості,—
І покотились на помості.
А завтра знову ожива,
І знову пє і знов гуляє,
І так за днями день минає.

Когда читаешь страшные, освещенные отблеском пожара, залитые кровью строфы „Гайдамаков“, когда видиш страшные подвиги Гонты, Зализняка и их сообщников, когда слушаешь безпощадные выкрики, жаждущого мести Галайды, когда смотришь на картины трагически

переплетенных контрастов—до безпамятства веселых песень старого кобзаря среди моря человеческой крови—то минутами начинаешь ужасаться безчеловечному размаху мести народных масс и поэту, который как будто с восторгом, в священном трепете воспевает славу крестьянской резни.

Однако нужно помнить, что каждый революционер, революционер до дна своей души, всегда прячет в сердце, как и массы, выразителем воли которых он является, целое море слез и несправедливостей, нагромоздившихся в течении столетий издевательства сильных над разрозненными слабыми. Нужно помнить, что каждый революционер отчетливо представляет себе всю необходимость решительных и жестоких мер борьбы, как бы ни были они сами по себе омерзительны его гуманному характеру. Революционер бывает жестоким как раз благодаря своей гуманности. Он понимает, что без восстания, без гражданской войны, каким бы большим несчастием она б сама по себе ни была, выхода нет, что существование старого строя с его менее интенсивным человекоубийством и кровопролитием за долгий промежуток времени дает больше жертв, чем разрушительный, но недолгий кризис. Жестокость революционера—единственная жестокость, могущая итти рука об руку с глубочайшей нежностью сердца. Французский поэт Верлен заметил это, когда о славном революционере, оклеветанном и ненавистном для реакционеров и тупых, тихомирных обывателей, сказал будто бы парадоксально: Iean Paul Marat etait tres doux *).

Что касается нежности сердечной самого Шевченко, его глубокой гуманности, понимания как ужаса, так и необходимости катастроф, подобных Гайдамаччине—то доказательство этому дают сами „Гайдамаки".

На полі жайворонок,
Соловейко в гаю
Землю, убрану весною,
В-ранці зострічають...
Рай тай годі! А для кого?
Для людей... А люди!
Не хотять на його й глянуть,
А глянуть—огудять.
Треба кровію домалювать,
Освітить пожаром;
Сонця мало, рясту мало
І багато хмари.
Пекла мало!.. Люди, люди!
Коли бо з вас буде
Того добра, що маєте?
Чудні, чудні люди.

*) Жан Поль Марат был очень нежен.

Но и помимо всяких демократически-революционных примет, какими проникнут национализм Шевченко, он сам по себе имеет социалистическую ценность. Начиная с Манифеста Коммунистической Партии, поклонники научного социализма всегда отчетливо и энергично выступали противниками всякого угнетения одними национальностями других. Манифест недвусмысленно гласит, что коммунисты, а значит и наследники их интернациональные социалисты нашего времени, везде поддерживают борьбу угнетенных наций за свободу. В эту борьбу входит, конечно и борьба за свободу самобытного культурного развития.

Трижды неправы говорящие о социалистической нивеллировке и о торжестве, в случае победы пролетариата, какого-то безцветного, наивного космополитизма. Новое общество обратится к свободе природы, безконечно многоцветной в своем стихийном течении. Оно уничтожит мертвящую механическую силу государства, оно убьет звериные (каннибальские) инстинкты, которые напрягаются насильственно лишить собственного лица, как индивидуумов, так и национальности. И как личность никогда не достигала той свободы и оригальности, какой достигнет она в социалистическом будущем, так точно и нации никогда еще не подымали своего голоса в хоре человечества с такой силой и самобытностью, каких достигнут тогда.

Поэтому мы социалисты в великом сыне своего края, борце за язык и культуру родины—в Шевченко—видим одного из предтеч и поборников, окончательного освобождения человечества.

. . . .

Шевченко прежде всего принадлежит трудовым классам своего народа, но вместе с тем является святым поэтом и революционных низов всего света.

Вполне справедливо выдающийся земляк Шевченко П. Кулиш говорил на его могиле:

„Ты учил нас правде святой животворящей: Вот из за этой-то правды собралися всех языков люди, как дети к родному отцу. Своею наукой стал ты для всех родной и провожают тебя на тот свет с плачем великим.“

Как мы уже указывали, социальное чувство у Шевченко не менее развито, чем национальное. Его ненависть к барству несдержана, но часто, с расстроганностью поветствует он и о том, как замученные преступными господами, жертвы великодушно прощают своим притеснителям... Так прощает своего мучителя „Відьма“:

Пан неначе прокинувся,
Глянув кругом себе,
І на неї... та й закричав:
„Не треба, не треба!
Іди собі!.. Або стрівай...
Чи ти не забула?

Прости мене! Прости мене!..
І сльози блиснули
В-перше з роду.—„Я прощаю.....
Я давно простила“....
І свічечку дала в руки
І перехрестила.
Заснув ворог перед нею,
Як тая дитина,
А її за свою душу
Молитись покинув.

Эту великодушность человека из народа ставит Шевченко иногда даже в поученіе и пример. В стихах „Між скалами неначе злодій“... находим такие строки...

Дальше та же самая мысль высказана еще ярче, еще глубже.

Отаке-то було лихо
По всій Украіні!
Гірше пекла... А за-віщо,
За-що люде гинуть?
Того-ж батька, такіж діти,
Жити б та брататись!
Ні, не вміли, не хотіли,—
Треба роз‘єднатись!
Треба крови брата, крови,
Бо заздро, що в брата
Є в коморі і на дворі
І весело в хаті.
„Убьєм брата! Спалим хату!“
Сказали, і сталось.
Все-б здається! Ні на кару
Сироти остались,—
В сльозах росли, та й виросли;
Замучені руки
Розвязались! І кров за кров,
І муки за муки!

Этот демократический национализм Шевченко совсем не противоречит новейшему социалистическому мировоззрению.

Его революционность не может поразить нас—революционных социал-демократов: крестьянская по своим приметам, она направлена против остатков рабства, еще и доныне достаточно сильных, чтобы вызвать в крестьянских массах старый размах негодования и злобы. Как в еще недавно пережитой нами революции, так и в будущей, чувство оскорбления, обида, которую прячет в себе крестьянин, сыграли и сыграют не последнюю роль и будут более или менее

гармонировать с пролетарской борьбой пока что не за социализм, а за наилучшие условия политические и общественные дальнейшей борьбы против всякой эксплоатации человека человеком.

Оттак, люде научайтесь
Ворогам прощати,
Як сей неук!..
Деж нам грішним
Добра сього взяти?

. . . .

Но еще чаще на ненавидимых Шевченко алчных, сластолюбивых и свирепых „панов“ падает страшная кара. И тут без малейшого сентиментального негодования рассказывает он о поступках страшной мести.

Ходив три годи я з ножами,
Неначе п'яний той різник:
До сліз, до крови, до пожару—
До всього, всього я привик.
Було мов жабу ту, на списі
Спряжеш дитину на огні
Або панянку білолицю
Розіпнеш голу на коні,
Тай пустиш в степ....

(„Варнак“)

С глубоким милосердием и пылким гневом останавливается поэт перед обиженными, среди несчастных: нищий-сирота, заброшенный внебрачний ребенок и особенно девушка-мать—„покрытка“, как символ самого страшного социального преступления—это любимейшие его герои.

Шевченко знает, что социальное неравенство, сила на стороне господ, есть центральная и главная причина оскорбительного пренебрежения людским достоинством.

. . . Поки села,
Поки пани в селах,
Будуть собі тинятися
Покритки веселі
По шиночках з москалями—
І не турбуйсь, брате!

Он зовет то время, когда наконец наступит новый мир, мир социального братства и равенства, так ярко и привлекательно вырисовывавшийся глазам этого страдальца: раба, солдата, против своей воли, и невольника. Но не надеялся он, чтобы будущий рай смог осуществиться без посредства всеосвежающей и страшной грозы, дождя крови. Перед видом людских скорбей, что для него словно тяжкая черная туча нависли над возлюбленной им Украиной,—нераз он впа-

дает почти в отчаяние. А бывают часы, когда надежда победы охватывает его душу, полную жалости и чувства мести и радости.

„Покрытка", как это уже немало людей заметили, как то знал и сам Шевченко все чаще и чаще привлекает его внимание.

Она становится, словно бы, символической фигурой всей его поэзии. В ней он видит пренебрежение со стороны человеческой свирепости святейшими, чарующими благами жизни: молодостью, красотой, любовью и материнством. Это одна из общечеловеческих тем, вечных пока существует несправедливый общественный строй, в каком мы пребываем теперь.

Один из величайших писателей свободной и цивилизованной страны Европы—Франции через десятки лет после поэм Шевченко снова останавливается с ужасом перед страшной трагедией ни в чем неповинной девушки, которую вместе с ее ребенком ведут на свирепые пытки презрения и голода, как величайшую преступницу против лукавых законов мещанства.

Когда я читал печальное творение, о каком говорю, Фрап'е—„Фигурантка", то каждую минуту вспоминался то тот, то другой стих, полный нежного счастья, или ужаса, или святого негодования, вышедший из под пера гениального украинского защитника униженных и обиженных.

Как Данте, вовзеличивая свою детскую любовь—Беатриче, перенес ее на небо небес, преобразил в сияющую эмблему наивысшей божественной мудрости, поставив ее рядом со своим Богом, так точно и Шевченко в наиболее гениальной по своей искренности из всех поэм мировой литературы—в „Марии" показывает нам свою покрытку, как Матерь Божию.

Что такое для него Владычица неба, которую чтит весь христианский мир?—Это героическая девушка—мать, И всю поэзию непорочной девичьей чистоты и материнства, всю безмерно печальную поэзию страданий потерянной с первыми же цветами любви и жертвы матери добровольно склонившейся перед идейным мученичеством сына; Шевченко сосредоточил в своей певучей, прозрачной, идиллической и монументальной поеме.

Квинт-эссенция тех чувств, какие Максим Горький положил в основу своей „Матери" уже выражена Шевченко в его великом пояснении евангельской семейной драмы. Мария и Христос—это мать и сын—герои и мученики правды. Тут Шевченко более, чем когда-либо творит вечное и вселюдское, возносясь до величавой символики.

Гневная любовь, это основное положеніе, главная струна лирики и эпоса нашего поэта. Однако ж она и основное чувство, каким расцвечуется мировоззрение всякого искреннего социалиста. Социализм без гневной любви только теория, лишь в сиянии этого горячего чувства становится он сознательной творческой силой. Поэты—это

прежде всего учителя чувств. Если мы, социалисты, можем учиться думать у Марксов, Лассалей.—то мы также учиться можем чувствовать лишь у немногих поетов, действительно предтеч и поборников великой освободительной борьбы за настоящую свободу, равенство и братство, возможные только при социализме.

Среди таких поэтов первое место занимает Шевченко. Шевченко по своему был религиозным. Он любил Библию и Евангелие. Там он часто брал свои мотивы, подражая псалмам и пророкам. Эти подражания, как и поэмы, рисующие жизнь и чувства первых христиан, показывают величие конгеніальности Шевченко с демократическими поэтами несчастливого еврейского народа, создавшого те книги, на которые, дивным образом, опирается современная лукавая и жестокая, льстивая и лживая церковь. Но всегда эти демократические книги протестовали, словно вулканы, постоянно грозящие извержением старым грязным постройкам в долине.

Не даром католическая церковь запретила своим верным читать святые книги и замкнула от них „Слово Божие" тем самым ключом, каким запирались книги самых страшних еретиков!

Нет и неможет быть никакого сомнения, что преобладающие мотивы св. Писания в основе демократично-республиканские и коммунистические.

Демократы-республиканцы и коммунисты, вышедшие непосредственно из низов народа, по большей части принимают эти мотивы из старого и нового Заветов и часто ставят их в основу своего учения и своей борьбы.

В наше время научный социализм уже перерос все, что может дать ему еврейская и христианская традиция, влияния каких могут вредить разными отсталыми и неясными идеями, так им свойственными. Все, что там было позитивного—научный социализм давно уже умеет черпать непосредственно из самой жизни и науки.

Но отсюда не выходит, чтобы мы отрицали социалистический элемент у евангелистов и пророков, отказывались от великанов-предшественников современного, нового евангелия—Научного Социализма из за того, что им не была ведома вся истина и было много разных подмесей, ныне нами откинутых.

Религиозность Шевченко не становится на дороге между ним и нами. Прежде всего это проникновенное выяснение действительных библейско евангельских традиций. Шевченковские подражания псалмам и пророкам—это одно удивление.

Украинская речь, в других случаях у Шевченко полная веселости или тихого лиризма, блестит остроумием или поет, как лира—тут же гремит, как орган, несется величественными и пылкими звуками,

словно фанфары трубы ангельской. С какой-то неслыханной легкостью придает Шевченко библейскому тексту крылатый ритм и музыкальную рифму, почти не отступая от него. Я не знаю других „подражаний“ равных по силе и точности.

Религиозность Шевченко естественна, как у человека лихолетья, жажда верить в триумф Наивысшей Правды. Видя, как все дорогое, святое жестоко оскорбляется безнаказанными, торжествующими преступникми, напрасно призывая к бунту и мести сгорбленный долготерпеливый народ, Шевченко то с кровавым недоверием, то с бурной надеждой возводит очи к небесам и ищет там Бога свободы, правды, награды и мести. Однако религия Шевченко не имела ничего общаго с оффициальной религиозностью, а его Бог не был даже похожим на византийского Саваофа.

Об этом особенно и ясно свидетельствует чудесное стихотворение „Ликері“.

Моя ти люба! Мій ти друже!
Не йимуть нам віри без хреста,
Не йимуть нам віри без попа,
Раби, невільникі недужі!
Заснули, мов свиня в калюжі,
В своїй неволі. Мій ти друже,
Моя ти любо! Не хрестись,
І не кленись і не молись.
Нікому в сьвіті! Збрешуть люди,
І візантійский Саваоф
Одурить Не одурить Бог, —
Карать і миловать не буде:
Ми не раби його, ми люде!

Когда умер Шевченко, то его похороны состоялись с замечательной торжественностью, несмотря на разные полицейские меры и препятствия. Не одни Украинцы, но прежде всего они, с печалью и великим почетом снаряжали гроб его из Петербурга на Украину. В Москве, а особенно в Киеве, толпы почитателей выходили на встречу останкам великого поэта. После некоторых колебаний похоронили Шевченко 10 мая 1861 г. на знаменитой с тех пор горе возле Канева. Высокий крест издалека еще манит глаза к могиле Кобзаря. И действительно едва ли можно где-нибудь так почувстовать, так припомнить чудную музыку Шевченковских стихов, как на этой горе над Днепром!.. Пусть же бережет Украина благородные останки своего поэта-пророка, создавшого из ее болей и тоски драгоценний для каждого человека, чудесный перл искусства.

Так когда-то и старозаветные пророки еврейской нации из страданий своего несчастного народа создали непомерно богатую и ценную поэзию любви, надежды и гнева.

Неотделимый от родного края, Великий Поэт далеко за Украину раскинул могучие, полные цветочного аромата ветви своего гения.

Велик Шевченко тем, что он поэт украинской нации, а еще больше тем, что он поэт народный, а сверх всего тем, что он поэт глубоко революционный и по духу своему социалистический.

Величайшая слава для всякаго края, для каждой нации—это создавать общечеловеческое: сокровища украинской души, словно полноводная река, влилися в общий поток человеческой культуры, своими волнами плывущий навстречу светлой будущности.

Слава Шевченко!

Перевел **М. Д.**

Шевченко в музыке.

Шевченко в полном смысле слова—народный поэт. Это подлинний художник из народа, в творчестве которого выкристализовалось национальное самосознание Украины. Поэзия Шевченко охватывает самые разнообразные стороны народной души. Пред нами певец дум и настроений нации, отражающий исторические судьбы родины, и славное, проникнутое рыцарским романтизмом прошлое, в котором было столько моментов борьбы, героизма. Поет отражает также современную ему жизнь нации, когда славное прошлое осталось далеко позади, но живы воспоминания и надежды на радостное будущее. В творчестве Шевченко, столь искреннем, столь глубоком, дивными гирляндами, точно узорчатая вышивка старинного ковра, сплелись нежный задумчивый лиризм, героический эпос, элементы трагические и бытовые.

Украинская природа, такой роскошной радугой отраженная в сверкающих ослепительными всплесками водах Днепра и шелковистыми волнами степного ковыля повестях Гоголя, нашла в поэзии Шевченко свое какое то особенное интимное выражение.

Через всю поэзию Шевченко проходит одно общее ее свойство—музыкальность, выраженное как ритмически, так и суммой разнообразных настроений, невольно вызывающих звуковые образы. Несомненно, что для музыканта произведения Шевченко представляют неисчерпаемый источник вдохновения и казалось бы творчество украинского поэта должно было найти живой отклик в среде художников звука.

На самом деле музыканты далеко не исчерпали всего источника. Как же это случилось? Нужно сказать, что в то время, как музыка Великороссии со времен Глинки расцвела так неслыханно пышно и подарила миру целый ряд блестящих мастеров, явившихся глубокими выразителями души русского народа, музыка украинская еще и до сих пор пребывает в зачаточном состоянии.

Мы знаем всему миру известные, имена русских композиторов, композиторы же украинцы неизвестны, не потому, чтоб их не знали, а потому, что их фактически нет, если не считать нескольких более или менее даровитых, но второразрядных величин. Тем большее значение приобретает деятельность Миколы Виталиевича Лисенко, единственного крупнаго украинского мастера, посвятившого всю свою жизнь созданию национальной украинской музыки.

Подобно Шевченко, корни творчества Лисенко глубоко кроются в плодородной почве народной. Сближает Лисенко с Шевченко и то,

что, подобно первому, он глубоко чувствовал биение сердца народной жизни, думал думами народа и жил жизнью народа. Лисенко не даром с такой страстной любовью собирал и записывал народные украинские песни. И эти песни шли в основу всего его, довольно обширного, творчества. Конечно не опера „Сафо“ характерна для Лисенко-художника, а характерна его „Різдвяна ніч“ или „Майська ніч“—произведения архитектоничеcки слабые, но сильные своим подлинно народным духом. В звуках Лисенко есть тот же задумчивый лиризм, то же интимное чувство природы, проглядывает тот же эпический дух и рыцарский романтизм, что и в творениях поэта Шевченко.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Лисенко обратил свои художественные взоры именно в сторону Шевченко. Он создал громадный цикл музыкальных произведений на тексты и сюжеты украинского поэта. Его „Музика до Кобзаря“ (семь серий, более восьмидесяти нумеров), является лучшим образцом полного и неразделього слияния народного художника—поэта с народным художником—композитором.

Каждый из них дополняет друг друга и сплетаются настолько тесно, что иногда трудно представить себе одного без другого. Самыми крупными номерами из „Музики до Кобзаря“, и в то же время сильными можно назвать две кантаты „Бьють пороги“ и на текст „Подражание Исаии Гл. XXV“.

„Музика до Кобзаря“ представляет чрезвычайное разнообразие по характеру и содержанию входящих в нее пьес, большинство их написано для одного голоса, но встречаются и ансамбли, напр. тріо „сонце заходить“ или квартет „За сонцем хмаронька пливе“. Многие номера написаны для хора, мужского и смешанного, так шестая и седьмая серия целиком состоят из произведений хоровых. Таким образом Лисенко является единственным музыкальным выразителем Шевченко. Писали музыку на Шевченковский текст и другие композиторы, так известны напр. следующие произведения: „Днепр“ Мусогоргского, „Вечер“—Чайковского, „Душа“ Рахманинова „Отчего тяжело мне“ Пасхалова, несколько вещей Сеницы, Зарембы, Топольницкого. Что касается сочинений Мусогорского, Чайковского, Рахманинова, то при всей высокой художественности их(чего стоит одинДнепр у Мусоргского!) они все таки не так близки духу поэзии Шевченко, как более скромные в художественном отношении, соотвествующие произведения Лисенко.

Вот в сущности все, что вызвала к жизни в области искусства звуков поэзия Тараса Григорьевича Шевченко, который еще ждет новых выразителей. Последние несомненно появятся тогда, когда обильная и тучная музыкальная почва Украины будет надлежащим образом вспахана и засеяна. Тогда, б. м. и украинская музыка расцветет также пышно и роскошно как расцвела музыка русская.

Б. Яновский.

Тарас Шевченко.

Выбрані поезії.

Сон.

Духъ истины, его же міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его, ни-же знаетъ его.
Іоан. гл. XIV, ст. 17

У всякого своя доля
І свій шлях широкий:
Той мурує, той руйнує,
Той неситим оком
За край світа зазирає
Чи нема країни
Щоб загарбать і з собою,
Взять у домовину;
Той тузами обірає
Свата в його хаті,
А той нишком у куточку
Гострить ніж на брата;
А той, тихий та тверезий,
Богобоязливий,
Як кішечка підкрадеться.
Вижде нещасливий
У тебе час, та й запустить
Пазурі в печінки,—
І не благай: не вимолять
Ні діти, ні жінка,
А той, щедрий та роскішний,
Все храми мурує,
Та „отечество“ так любить,
Так за ним бідкує.
Та так з його, сердешного,
Кров, як воду, точить!..
А братія мовчить собі,
Витріщивши очі,
Як ягнята: „Нехай!“ каже
„Може, так і треба“.
— Так і треба! Бо немає
Госпoда на небі!
А ви в ярмі падаєте,
Та якогось раю
На цім світі бажаєте...
Немає! Немає!
Шкода й праці! Схаменіться:
Усі на цім світі,—
І царята і старчата,—
Адамови діти!
І той, і той... А що-ж то я?
— Ось-що, добрі люди:
Я гуляю, бенкетую
В неділю і в будень;
А вам нудно, жалкуєте—
Єй Богу, не чую!
І не кричіть!—Я свою пью,
А не кров людськую.
Отак, ідучи по-під-тинню
З бенкету пьяний у ночі.
Я міркував собі йдучи,
Поки доплентавсь до хатини
А в мене діти не кричать
І жінка не лає,—
Тихо як у раї,—
Усюди божа благодать:
І в серці, і в хаті.
Ото-ж я ліг і спати;
А вже підпилий як засне,
То, хоч коти гармати,
І усом не моргне,
Та й сон-же, сон на причуд дивний,
Міні приснився:
Найтверезійший би упився
Скупий Жидюга дав би гривню,
Щоб позирнуть на ті дива;
Та чорта з-два!
Дивлюсь: так, буцім-то сова
Летить лугами, берегами,
Та нетрями,
Та глибокими ярами
Та широкими степами,
Та байраками;
А я за нею, та за нею,
Лечу й прощаюся з землею.
— „Прощай, світе! Прощай, земле,
Неприязний краю!

Свої муки, свої люті
В хмарі заховаю.
А ти, моя Україно,
Безталанна вдово!
Я до тебе літатиму
З хмари на розмову,
На розмову тиху, сумну,
На раду з тобою;
О-півночі падатиму
З чистою росою.
Порадимось, посумуєм,
Поки сонце встане,
Поки твої малі діти
На ворога стануть.
Прощай же ти, моя нене,
Удово-небого!
Годуй діток: жива правда
У Господа Бога!"
Лечу... Дивлюся—аж світає,
Край неба палає;
Соловейко в темнім гаї
Сонце зустрічає.
Тихесенько вітер віє;
Степи, лани мріють;
Між ярами над ставами
Верби зеленіють;
Сади рясні похилились;
Тополі по волі
Стоять собі, мов сторожа,
Розмовляють в полі.
І все то те, вся країна,
Повита красою,
Зеленіє, вмивається,
Ранньою росою,
Вмивається, красується,
Сонце зустрічає,—
І нема тому почину,
І краю немає.
Ніхто його не додбає
І не розруйнує,
І все-то те... Душе моя!
Чого-ж ти сумуєш?
Душе моя убогая!
Чого марно плачеш?
Чого тобі шкода?
Хіба ти не бачиш?
Хіба ти не чуєш людського плачу?
То глянь, подивися! А я полечу
Високо-високо за синії хмари:
Немає там власти, немає там кари,
Там сміху людського і плачу не чуть.
Он глянь,—у тім раї, що ти покидаєш,
Латану свитину з каліки знімають,
З шкурою знімають, —бо нічим обуть
Панят недорослих. А он розпинають
Вдову за подушне, а сина кують,
Єдиного сина, єдину дитину,—
Єдину надію!—в військо оддають,
Бо його, бач, трохи... А он-де під тином
Опухла дитина голодная мре.
А мати пшеницю на панщині жне.
А он—бачиш? Очі, очі!
На-що ви здалися?
Чом ви з-малку не висохли,
Слізьми не злилися?
То покритка по-під-тинню
З байстрям шкандибає—
Батько й мати одцурались,
Й чужі не приймають,
Старці навіть цураються...
А панич не знає:
З двадцятою, недолюдок,
Душі пропиває.

. . . .

Душе моя убогая.
Лишенько з тобою!
Упьємося отрутою,
В кризі ляжем спати,
Пошлем думу аж до Бога,
Його роспитати:
Чи довго ще на цім світі
Катам панувати?
Лети ж, моя думо, моя люта муко!
Забери з собою всі лиха, всі зла,
Своє товариство! . . . .

. . . .
. . . .

І знов лечу. Земля чорніє.
Дрімає розум, серце мліє.

Дивлюся: хати над шляхами,—
То город із стома церквами;
А в городі, мов журавлі.
Замуштрували москалі:
Нагодовані, обуті
І кайданами окуті
Муштруються. Далі гляну,—
У долині, мов у ямі.
На багнищі город мріє;
Над ним хмарою чорніє
Туман тяжкий .. Долітаю,—
То город без краю.
Чи то турецький?
Чи то німецький?
А може, те що й московський!
Церкви та палати,
Та пани пузаті.
І ні однісінької хати!
Смеркалося. Огонь... огнем
Кругом запалало,—
Аж злякався.—„Ура! Ура!
Ура!" закричали.
Цу-цу, дурні! Схаменіться!
Чого сего ви раді?
Що орете?"—„*Экой" хохолъ!*
Не знаетъ параду!
У насъ парадъ. Самъ изволитъ
Сегодня гуляти"
„Та де ж вона, тая цяця?"

„*Вонъ видишь палаты?"*

Штовхаюсь я; аж землячок,
Спасибі признався.
З цинковими гудзиками:
„*Гдѣ ти здѣсь узялся?"*
— „З України"—„*Да такъ же ты*
Й говоритъ не вмѣешь
По здѣшнему?—„Ба ні, кажу,
Говорить я вмію,
Та не хочу"—„*Экой чудакъ!*
Я всѣ входы знаю;
Я здѣсь служу; коли хочешь,
В дворецъ попытаюсь
Ввести тебя. Только, знаешь,
Мы, братъ, просвѣщенны,—
Не поскупись полтинкою!"
—„Цур тобі, мерзений
Каламарю!"
І зробився
Я знову незримий,
Та й пропхався у палати.
Боже мій єдиний!

Так от-де рай! уже на-що
Золотом облиті
Блюдолизи! Аж ось і сам,
Високий, сердитий,
Виступає. Обік його
Жіночка небога.
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога,
Та ще й на лихо сердешна
Хита головою.
—„Так оце-то та богиня?!
Лишенько з тобою!
А я, дурний, не бачивши
Тебе, цяцю, й разу.
Та й повірив тупорилим
Твоїм віршомазам!
От-то дурний! А ще й битий!
На квіток повірив
Москалеві! От і читай,
І йми ти їм віри!"
За панами—панства, панства
У сріблі та златі!
Мов кабани годовані,
Прикаті, пузаті!
Аж потіють та товпляться,
Щоб то близче стати
Коло самих: може, вдарять
Або дулю дати
Благоволять—хоч маленьку,
Хочь пів-дулі, аби тільки
Під самую пику.
І всі у-ряд поставали,
Ніби безьязикі,
А-ні телень!.. Царь цвенькає,
А диво-цариця,
Мов та чапля між птахами,
Скаче, бадьориться.
Довгенько в двох похожали,
Мов сичі надуті,
Та щось нишком розмовляли
(Здалека не чути)—
Об „отечестві", здається,
Та нових петлицях,
Та об муштрах ще новіших;
А потім цариця
Сіла мовчки на дзиглику.
Дивлюсь: царь підходить
До найстаршого, та в пику
Його як затопить!
Облизався неборака,
Та меншого в пузо—
Аж загуло!.. А той собі

Ще меншого туза
Межи плечі; той—меншого.
А менший малого,
А той дрібних; а дрібнота
Уже за порогом
Як кинеться по улицях.
Та й давай місити
Недобитків православних.
А ті голосити,
Та верещать, та як ревнуть:
„Гуля наш батюшка, гуля!
Ура! ура! ура-а-а!“

Зареготався я, та й годі
А й мене давнули
Таки добре. Перед світом
Усе те заснуло;
Тілько де-де православні
По кутках стогнали,
Та стогнучи, за батюшку
Господа благали.
Сміх і сльози! От пішов я
Город озирати.
Там ніч, як день. Дивлюся я:
Палати, палати
По-над тихою рікою,
А берег обшитий
Увесь каменем. Дивуюсь.
Мов несамовитий:
Як то воно зробилося
З калюжі такої
Таке диво! Отут крови
Полито людської
І без ножа! По тім боці
Твердиня й дзвіниця, [1])
Мов та швайка загострена,—
Аж чудно дивиться,
І дзигарі теленькають.
От я повертаюсь—
Аж кінь летить, копитами
Скелю розбиває.
А на коні сидить охляп,
У свиті—не свиті,
І без шапки; якимсь листом
Голова повита.
Кінь басує,—от-от річку,
От-от перескочить.
А він руку простягає.
Мов світ увесь хоче
Загарбати Хто-ж се такий?

1) Петропавлівська кріпость в церквою Петра і Павла
2) На памятнику.

От собі й читаю,
Що на скелі [2]) наковано:
„Первому Вторая“
Таке диво поставила,
Тепер же я знаю:
Сетой Первий, що розпинав
Нашу Україну,
А Вторая доканала
Вдову-сиротину.
Кати, кати, людоїди!
Наїлись обоє,
Накралися! А що взяли
На той світ з собою?
Тяжко, тяжко міні стало,
Так, мов я читаю
Історію України.
Стою, заміраю.
А тим часом тихо, тихо
Та сумно співає
Щось такее невидиме:
„Із города, із Глухова
Полки виступали
З заступами на лінію. [1])
А мене послали
У столицю з козаками
Наказним гетьманом. [2])
О, Боже мій милосердний!
О, царю поганий!
Царю проклятий, неситий,
Гаспиде лукавий!
Що ти зробив з козаками?
Болота засипав
Благородними кістками!
Поставив столицю
На їх трупах катованих
І в темній темниці
Мене, вольного гетьмана,
Голодом замучив
У кайданах!.. Царю, царю,
І Бог не розсудить
Нас з тобою: кайданами
Скований зо мною
На вік-віки. Тяжко міні

1) Цар Петро заставляв українських казаків сипати вали та копати рови на границі з татарами.
2) Цар Петро вислав на північ більше 20 000 козаків українських із наказним гетьманом Павлом Полуботком, щоб вони копали та розчищали на болоті місце під столицю Петербург.
Більше половини козаків там і лягло трупом в тому болоті.

Вітать над Невою!
України далекої,
Може, вже немає..
Полетів би, подивився,
Так Бог не пускає.
Може, Москва випалила
І Дніпро спустила
В синє море? розкопала
Високі могили,
Нашу славу? Боже милий!
Зжалься, Боже милий!"
Та й замовкло. Дивлюся я:
Біла хмара криє
Сіре небо; а в тій хмарі—
Мов звірь в гаї виє.
То не хмара,—біла пташка
Хмарою спустилась
Над царем тим мусянжовим
І заголосила:
„І ми сковані з тобою,
Людоїде, змію!
На страшному на судищ!
Ми Бога закриєм
Од очей твоїх неситих.
Ти нас з України
Загнав голих і голодних
У сніг на чужину
Та й порізав, а з шкур наших
Собі багряницю
Пошив жилами твердими.
І заклав столицю
В новій рясі. Подивися:
Церкви та палати!
Веселися, лютий кате,
Проклятий, проклятий!"

Розлетілись, розсипались.
Сонечко вставало:
А я стояв, дивувався
Так, аж страшно стало.
Уже вбогі ворушились.
На труд поспішали
І москалі на розпуттях
Уже муштрувались.
По-край улиць поспішали
Заспані дівчата,
Та не з дому, а до-дому:
Посилала мати
На цілу ніч працювати,
На хліб заробляти,
А я стою, похилившись,
Думаю, гадаю:
Як-то тяжко той насушний
Люди заробляють!
От і братія сипнула
У сенат писати
Та підписувать, та драти
І з батька і з брата.
А між ними і землячки
Де-де поглядають;
По-московські так і чешуть.
Сміються та лають
Батьків своїх, що з-малечку
Цвенькати не вчили
По-німецьки, а то теперь
І кисни в чорнилі...
Пьявки, пьявки! Може батько
Остатню корову
Жидам продав, поки вивчив
Московської мови!..
Україно, Україно!
Отсе твої діти,
Твої квіти молодиї.
Чорнилом политі,
Московською блекотою.
В німецьких петлицях
Замучені. Плач Вкраїно
Бездітна вдовице!
Піти лишень, подивиться
До царя в палати:
Що там робиться? Прихожу—
Старшина пузата
Стоїть рядом, сопе, хропе
Та понадувалась,
Як индики, і на двері
Косо поглядала.
Аж ось вони й одчинились —
Неначе з берлоги
Ведмідь виліз. Ледве-ледве
Переносить ноги,
Та одутий, аж посинів:
Похмілля прокляте
Його мучило. Як крикне
На самих пузатих,—
Всі пузаті до одного
В землю провалились.
Він випучив баньки з лоба,—
І все затрусилось,
Що осталось. Мов скажений.
На менших гукає,—
І ті в землю; він до дрібних,—
І ті пропадають;
Він до челяді сунеться,—
І челядь пропала:

До москалів,—москалики
Тяжко застогнали,
Пішли в землю! Диво дивне
Сталося на світі!
Дивлюся я, що дальш буде.
Що буде робити
Мій ведмедик? Стоїть собі
Голову понурив
Сіромаха. Де ж ділася
Ведмежа натура?
Мов кошеня — такий чудний!...
Я як засміявся!
Він і почув, та як гикне,—
Я перелякався,
Та й прокинувсь.
Отаке-то
Приснилося диво!
Чудне якесь! Таке тілько
Сниться юродивим
Та пьяницям. Не здивуйте,
Брати мої милі:
Я не своє розказував.
А те, що приснилось.

1844. 8. VII
Петербург.

Суботів.

Стоїть в селі Суботові
На горі високій
Домовина України—
Широка, глибока.
Ото церква Богданова
Там-то він молився.
Щоб Москаль добром і лихом
З козаком ділився
Мир душі твоїй, Богдане!
Не так воно сталось:
Москалики, що зустріли,
То все очухрали,—
Могили вже розривають,
Та грошей шукають;
Льохи твої розкопують
Та тебе ж і лають,
Що й за труди не находять...
Отак-то, Богдане!
Занапастив-єси вбогу
Сироту Вкраїну!
За те ж тобі така дяка...
Церкву-домовину
Нема кому полагодить!
На тій Україні,
На тій самій, що з тобою
Ляха задавила,—
Байстрюки Єкатерини
Сараною сіли
Отаке-то, Зіновію,
Олексіїв друже
Ти все оддав приятелям,
А їм і байдуже!
Кажуть, бачиш, що „все-то те
Таки й було наше,
А що ми тілько наймали
Татарам на пашу
Та Полякам“ ..Може й справді!
Нехай і так буде!
Так сміються, ж з України
Сторонниї люди...
Не смійтеся, чужі люди!
Церква-домовина
Розвалиться, а з-під неї
Встане Украина
І розвіє тьму неволі,
Світ правди засвітить,
І помоляться на волі
Невольничі діти!

1845. 21. X.
Миргород.

Кавказ.

(Якову де-Бальмену).

„Кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источникъ слезъ, и плачуся день и нощь о побіенныхъ.
Іеремія. гл. IX, ст. 1

За горами гори, хмарами повиті,
Засіяні горем, кровію политі;
Спокон-віку Прометея
Там орел карає
Що-день божий довбе ребра
Й серце розбиває;
Розбиває, та не випьє
Живущої крові,—
Воно знову оживає,
І сміється знову,
Не вміpaє наша правда
Не вміpaє воля;
І неситий не виоре
На дні моря поля,
Не скує душі живої
І слова живого,
Не понесе слави Бога,
Великого Бога.
Не нам на прю з Тобою стати,

Не нам діла Твої судить:
Нам тілько плакать, плакать, плакать,
І хліб насущний замісить
Кровавим потом і сльозами.
Кати знущаються над нами,
А правда наша пьяна спить!
Коли вона прокинеться?
Коли одпочити
Ляжеш, Боже утомлений,
І нам даси жити?
Ми віруєм Твоїй силі
І Слову живому,
Встане правда, встане воля,
І Тобі одному
Поклоняться всі язики
Во віки і віки.
А поки-що—течуть ріки,
Крівавиї ріки!..

За горами гори, хмарами повиті.
Засіяні горем, кровією политі!
Отам-то Милостиві Ми,
Ненагодовану і голу,
Застукали сердешну волю
Тай цькуємо... Лягло кістьми
Людей муштрованих чимало.
А сльоз? а крови? Утопить
Всіх цариків би стало,
З дітьми й внучатами, втопить
В сльозах удових... А дівочих.
Пролитих нишком серед ночі?
А матерніх гарячих сльоз,
А батьківских, старих, крівавих?
Не ріки,—море розлилось,
Огненне море!.. Слава, слава
Хортам. і гончим, і псарям,
І нашим батюшкам-царям!
Слава!

І вам слава, сині гори,
Кригою окуті,
І вам, лицарі великі,
Богом не забуті!
Борітеся—поборете:
Вам Бог помогає;
За вас сила за вас вдля
І правда святая!
„Чурек і сакля—все твоє,—
Воно не прошене й не дане,—
Ніхто не візьме за своє,
Не поведе тебе в кайданах.

У нас... На те письменні ми,
Читаєм Божиї глаголи,—
І од глубокої тюрми
Та до високого престола
Усі ми в золоті—і голі,
До нас в науку! Ми навчим,
По-чому хліб і сіль по-чім...
Ми не погани,—
Ми настоящі христіяни:
Храми, ікони,
Усе добро сам Бог у нас!
Нам тілько сакля очі коле:
Чого вона у вас стоїть,
Не нами дана? Й чом ми вам—
Чурек-же ваш, та вам не кинем.
Як тій собаці? Й чом ви нам
Платить за сонце не повинні!.
Тай тілько-ж то!..
Ми малим ситі!—А за те,
Як-би ви з нами подружились.
Богато-б де-чого навчились.
У нас же й світа! Як на те—
Одна Сібір неісходима!
А тюрем? люду? Що й лічить!
Од Молдаванина до Фінна—
На всіх язиках все мовчить...
Бо благоденствує!.. У нас
Святую библію читає
Святий чернець. і научає,
Що царь якийсь-то свині пас
Та дружно жінку взяв до себе!
От бачите, які у нас
На небі!
Ви ще темні
Догматами не просвішенні!
У нас навчіться! В нас дери.
Дери та дай
І прямо в рай.
Хоть і рідню всю забери!
У нас—чого-то ми не вмієм?
І зорі лічим. гречку сієм.
Французів лаєм. продаєм
Або у карти програєм
Людей.—не Негрів. а таких.
Таки хрещених, та—простих.
Ми не Гішпане! Крий нас, Боже.
Щоб крадене перекупать,
Як ті Жиди: ми по закону!“...
По закону апостола

Ви любите брата?
Суєслови, лицеміри,
Господом прокляті!
Ви любите на братові
Шкуру, а не душу,
Та й лупите по закону:
Дочці на кожушок,
Жінці на патинки,
Байстрюкові на придане,
Собі ж на те, що не знають
Ні діти, ні жінка!

За кого-ж Ти розпинався.
Христе, Сине Божий?
За нас добрих, чи за слово
Істини чи, може,
Щоб ми з Тебе посміялись?

Воно так і сталось!
Храми, каплиці і ікони,
І ставники і мірри дим,
І перед образом Твоїм
Неутомимиї поклони—
За кражу, за війну, за кров,—
Щоб братню кров пролити, просим,
А потім в дар Тобі приносим
З пожару вкрадений покров..

Просвітились!.. Та ще хочем
Других просвітити,
Сонце правди показати
Сліпим, бачиш, дітям.
Все покажем,—тілько дайте
Себе в руки взяти:
Як і тюрми мурувати,
Кайдани кувати,
Як носить їх, і як плести
Кнути узловаті.—
Всьому навчим! Тілько дайте
Взяти свої гори,—
Останнії, бо взяли вже
І поле, і море!

І тебе загнали; мій дрлже єдиний,
Мій Якове любий! Не за Україну,
А за її ката довелось пролить
Кров добру,—не чорну; довелось запить
З московської чарки московську отруту.

О друже, мій добрий, друже незабутий!
Живою душою в Украйні вітай;
Літай з козаками по-над берегами,
Розриті могили в степу наглядай,
Заплач з козаками дрібними сльозами,
Мене з неволі в степу виглядай!

А поки-що—мої думи,
Моє люте горе,
Сіятиму: нехай ростуть
Та з вітром говорять..
Вітер тихий з України
Понесе з росою
Тії думи аж до тебе.
Братньою сльозою
Ти їх, друже, привітаєш,
Тихо прочитаєш,—
І могили, степи, гори,
І мене згадаєш.

1845. 18. XI
Переяслав.

Заповіт

Як умру, то поховайте
Мене на могилі.
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій:
Щоб лани широкополі
І Дніпро, і кручі
Було видно,—було чути,
Як реве ревучий!

Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу,—отоді я
І лани і гори—
Все покину і полину
До самого Бога
Молитися. А до того—
Я не знаю Бога!

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте,
І вражою злою кровью
Волю окропіте!
І мене в семьї великій,
В семьї вільній, новій,
Не забудьте помянути
Незлим тихим словом!

1845. 25. XII
Переяслав.